

ISSN 0205-2253

**БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ
КИРИЛО-МЕТОДИЕВСКИ НАУЧЕН ЦЕНТЪР**

**100 ГОДИНИ КИРИЛОМЕТОДИЕВИСТИКА
В БЪЛГАРИЯ
ИДЕНТИФИЦИРАНЕ НА ЕВРЕЙСКИ И
ХРИСТИЯНСКИ МОДЕЛИ
В ЛИТЕРАТУРАТА**

**Кирило-
Методиевски
Студии**

КНИГА 25

СОФИЯ • 2017

МИССИОНЕРСКОЕ НАСЛЕДИЕ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ И СИМЕОНОВ СБОРНИК

Марчелло Гардзанити (Италия)

В выступлении на конференции в Салониках (2013 г.) нашей целью было показать, что славянская миссия Кирилла и Мефодия располагалась внутри проекта, задуманного в Константинополе во второй половине IX века после триумфа иконопочитания (843 г.). Этот план, в котором ключевую роль должен был играть патриарх Фотий, охватывал большое пространство: от Ближнего Востока до бассейна Волги, от Центральной Европы до Южной Италии. Анализ, главным образом, Жития Кирилла (далее ЖК) и Жития Мефодия (далее ЖМ) с обширным присутствием библейских цитат и патристических размышлений позволил нам пролить свет на миссионерский замысел в Византийской империи, который в некоторых чертах отталкивается от миссионерской идеи, развиваемой Римским апостольским престолом (см. Garzaniti 2015).

Обращаясь к роли Фотия, мы не углублялись в отношения между патриархом и фессалоникийскими братьями, и не стремились узнать, являлись ли они его сторонниками или противниками, как, например, себя спрашивали в 30-е годы Ф. Дворник (Dvornik 1933) или В. Грумель (Grumel 1934). Наш интерес скорее состоял в том, чтобы реконструировать миссионерский проект той эпохи, который, помимо прочего, был поддержан не только Фотием, но был продолжен также противником Фотия – патриархом Игнатием, и обсудить роль, которую в нем играли Кирилл и Мефодий.

Кроме „Паннонских житий“ есть и другие свидетельства, которые связывают произведение Фотия с деятельностью Кирилла и Мефодия и подтверждают наше мнение. В Супрасльской рукописи, например, можно прочитать славянскую версию проповеди Фотия, которая могла бы восходить к кирилло-мефодиевской эпохе. По мнению К. Манго, проповедь была переведена на церковно-славянский в связи с антииудейской полемикой, которая появляется уже в ЖК (Mango 1958: 150–152). На самом деле, главный фокус направлен на

вопрос о христианском воспитании, что прекрасно соотносится с контекстом миссионерской деятельности солунских братьев¹.

Разносторонняя деятельность по распространению византийского христианства, которое Фотий продвигал под покровительством различных императоров как в начальном, так и во втором периоде своего патриаршества, должна была иметь солидный фундамент в теологических рассуждениях, основанных на Библии и на патристических размышлениях.

Одно из первых его изложений можно найти в *Послании*, написанном между 864 и 866 гг. и адресованном хану Борису. В общем делается отсылка к *Посланию* для того, чтобы сравнить его с посланием папы Николая к тому же Борису, толкуя его в рамках традиции *specula principis*. На самом деле, как отметил в прошлом П. Одорико, произведение, написанное по-гречески, не носит энциклопедического характера с целью воспитания хана, но принимает вид общего представления о христианском обучении, изложенного в антологической форме (см. Odorico 1993). До сегодняшнего дня, кажется, никто не увидел связи этого текста с византийской миссионерской стратегией. После краткого предисловия о „спасении души“ *Послание* содержит изложение Символа веры и историю семи соборов с осуждением различных ересей. Во второй части патриарх высказывает ряд размышлений о морали и в заключение дает несколько советов о хорошем управлении.

Подобную структуру, но с более сложной композицией, можно найти в первой части одного произведения, которое, вероятно, было создано несколькими годами позже. Это греческая флорилегия, которая послужила основой *Симеонова сборника*, первого свидетеля, которого мы находим в *Изборнике 1073*. По нашему мнению, это греческое произведение, которое сегодня принято указать с названием Σωτήριος, является важным свидетельством теологических рассуждений, которые были развиты на основе проекта византийского миссионерства.

За последние двадцать лет изучение греческого оригинала *Симеонова сборника* достигло новых интересных результатов, которые, нам кажется, надо тщательно проверить в свете миссионерского проекта Византии. Не отрицая вклада более далекого прошлого, мы думаем, что исходная точка может быть представлена работами, которые сопровождают первый том болгарского издания *Симеонова сборника* (см. Коцева 1991) и исследованием Ф. Томпсона, в котором они рецензируются, открывая новые перспективы для его изучения². Только недавно вышел третий том цитируемого издания, который содержит греческий текст, опубликованный под редакцией П. Яневой с параллельным текстом на церковно-славянском, исправленным по сравнению с предыдущим изданием, и обширным вступлением³.

¹ См. издание в: Заимов, Капалдо 1982–1983 2: 124–145 (глава 29, 332–342).

² Тому же автору принадлежит точная реконструкция истории изучения данного кодекса, которую необходимо иметь в виду (Thomson 2006; Thomson 2009) и которая заполняет некоторые библиографические лакуны исследования В. Христовой (Христова 1991).

³ См. Янева 2015. Это издание – результат многолетней исследовательской работы –

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ЭПОХА СОЗДАНИЯ ГРЕЧЕСКОГО ОРИГИНАЛА

Греческий оригинал *Симеонова сборника*, засвидетельствованный в нескольких кодексах, еще в начале 90-х гг., не был изучен (Thomson 1993: 47). М. В. Бибилов, занимавшийся этим вопросом, исследовал греческую традицию протографа *сборника* на основе около двадцати кодексов, выдвинув предположение, что произведение было написано в Константинополе, в имперской курии во второй половине IX века (Бибилов 1996).

Именно из Константинополя происходит парижский кодекс Paris. gr. 922 XI века, которое содержит посвящение (f. 4, 5b), где говорится об „августейшей Евдокии“⁴. Этот персонаж может быть идентифицирован с императрицей Евдокией Макремволитиссой (ок. 1021–1096), а также с более древней Евдокией Ингериной (ок. 840–883), значительной фигурой византийского двора, которая играла важную роль уже при дворе в эпоху императора Михаила III (840–867) будучи его любовницей и невесткой цезаря Варды. Позже она стала женой Василия, начинателя македонской династии и матерью будущих императоров Льва (866–912) и Александра (872–913), а также и патриарха Стефана⁵. Ее изображение, возможно, оказалось, в том же самом кодексе, хотя и приспособлено к новой императрице по имени Евдокия (Макремволитисса). На той же миниатюре представлена серия медальонов, на которых изображены главные авторы произведений, собранных в флорилегии⁶. Изображение Евдокии Ингерины с сыновьями Львом и Александром находится в знаменитом кодексе с „Слова“ Григория Назианзина (Богослова) (Paris. gr. 510), которое О. И. Подобедова связывает именно с миниатюрами *Симеонова сборника* (Подобедова 1977: 39).

Интересно напомнить не только ее принадлежность к знатной семье Мартинакий, македонского происхождения, но и ее варяжское происхождение (Ингерина происходит от Ингвара). Таким образом, мы должны допустить и ее отношения одновременно с южными славянами македонского ареала и восточно-славянским миром, в котором обосновались варяги, называемые в Византии

представляет еще бесценные указатели на библейские и святоотеческие источники. О современной болгарской версии греческого текста см. Янева, Иванов 2008.

⁴ Изображение, воспроизведенное в: Бибилов 1996: 300. Об описании кодекса см. там же, 69–73. Надо заметить, что в *stemma codicum* греческой традиции флорилегии, обработанной Бибиловым, ветвь, которая принадлежит этому кодексу, является той же самой греческого прототипа *Изборника 1073* (там же, с. 292). Кроме того, по своему оформлению этот кодекс возможно более близок к славянской версии, засвидетельствованной *Изборником 1073* (там же, с. 315). Срв. еще Бибилов 2011. Этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

⁵ Бибилов 1996: 301–307. См. об этом персонаже Mango 1973, Бибилов 2011, 151–156). К этому вопросу вернулся только кратко Сисверда (Sieswerda 2001: 300).

⁶ Российский ученый проводит интересную параллель между *Изборником 1073*, посвященным князю Святославу, и его прототипом, посвященным царю Симеону, с одной стороны, и этим греческим кодексом, посвященным императрице Евдокии Макремволитиссе, который вероятно адаптирует протограф, созданный для Евдокии Ингерины (Бибилов 1996: 309–315, Бибилов 2011, 164–165).

Росами. Не будем забывать здесь значимость для Фотия крещения Росов после нападения на Константинополь (860 г.). О их крещении в устьях Днепра патриарх объявил триумфально в своем „Окружном послании“ восточным патриархам, написанном, хочу подчеркнуть это, в том же году, в котором Ингерина стала императрицей (867 г.) (см. Hannick 1978: 337–339).

Несмотря на это Бибиков, кажется, предпочитает последующую эпоху для создания греческого оригинала *Симеонова сборника*, то есть годы императора Александра (872–913), сына Василия и Евдокия, и патриарха Николая Мистика (852–925), цитируемые в других греческих кодексах этого сборника, но в любом случае эти персонажи тесно связаны или с той же самой Евдокией, или, как в случае патриарха Николая, – с Фотием⁷.

В последующие годы исследования продолжались со значительными достижениями Д. Сиесверда в сотрудничестве с Ф. Томсоном, в то время как славянской традицией занимались Дж. Вруланд и У.Р. Ведер (Вруланд, Федер 2006). Если в изучении отношений между греческой письменной традицией и славянскими свидетельствами остаются значительные расхождения (см. Thomson 2009: 264–265), то существует общее согласие между этими учеными, которые видят в этом сборнике произведение написанное в 870-ых годах в эпоху патриарха Фотия (Sieswerda 2001: 301). Недавно на основе краткой патриаршей хроники, там содержащейся, Томсон обозначил первый этап создания произведения между 867 и 877 годами, временем второго патриаршества Игнатия. Греческий оригинал славянского перевода мог бы восходить к периоду 914–919/20, времени второго патриаршества Николая⁸. В связи с краткой патриаршей хроникой нам хотелось бы заметить, что в одном греческом кодексе, происходящем с Афона, она завершается отсылкой на второе восхождение Фотия на патриарший престол (Бибиков 1996: 317).

Конечно, у нас нет ни одного прямого свидетельства, чтобы связывать Σωτήριος с именем Фотия, но как мы видели, существуют различные указания которые отсылают нас к его эпохе и к его окружению (Бибиков 1996: 319). Кроме того, спросим себя, случайно ли, что ~~его дядя~~, патриарх Никифор (ок. 758–828), объявленный врагом иконоборства, цитируется не менее двух раз в флорилегии (Бибиков 1996: 257).

О Фотии, как об эрудите, помнят особенно со времен гуманизма прежде всего за его собрания текстов и цитат, начиная с его знаменитой *Библиотеки*. Было бы, однако, более интересно сравнить эту флорилегию с другим произведением константинопольского патриарха, с *Амфилохия*. Этот текст, принадлежащий к тому же литературному жанру, содержит не только различные темы,

⁷ Бибиков 1996: 318. В последние годы Бибиков недвусмысленно говорил об окружении патриарха Фотия (Бибиков 2004: 4). Янева, оставаясь на позиции, высказанной еще в 90-е годы, признает окончательное создание флорилегии в начале X века (Янева 2015: 73).

⁸ См. его обширное рассуждение о дате композиции греческой флорилегии (Thomson 2009: 266). Недавно Томсон указал на более позднюю дату, между 877 и 886 гг. (Thomson 2014: 404–405).

присутствующие в флорилегии, но даже некоторые вопросы и ответы приписаны Анастасию Синаита, чей сборник вопросов представляет центральное ядро *Σωτήριος* (Бибиков 1996: 323–324). *Амфилохия*, в которых обсуждаются различные вопросы теологического, философского и филологического характера, были написаны Фотием в годы, последовавшие за его изгнанием с патриаршего престола (867 г.) и поэтому хронологически их составление совпадает с годами удачной переработки произведения Анастасия⁹.

Другое важное указание нам предлагает краткий текст, происходящий из славянского перевода комментированной версии Книги Иова и неизданный до недавнего времени. Речь идет о кратком отрывке *Амфилохия* (152), в котором излагаются различные причины неясности библейского текста. По мнению Алексева, его перевод свидетельствует о высоком качестве исполнения, предположительно восходящем к эпохе Мефодия или к одному из его последователей (Алексеев 2004). Можно, таким образом, утверждать существование некоей связи между произведением Фотия и более древней славянской версией Библии именно на тему библейского толкования, которая является лейтмотивом в флорилегии.

СОДЕРЖАНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Сердцевину *Σωτήριος* составляет коллекция из 88 вопросов и ответов Псевдо-Анастасия Синаита, которые распространялись также как анонимный текст. По мнению Сиесверда, она содержит четыре различных собрания вопросов, поэтому можно было бы говорить об этом произведении как об одной коллекции из коллекций (см. Sieswerda 2001: 309).

В начале 90-х гг. Томсон с большой ясностью изложил содержание произведения, обобщенно представив темы, которые требуют пристального внимания, несмотря на то, что только недавно ученый предложил очень детальный анализ, сделав сравнение между двумя славянскими переводами флорилегии на основе греческой традиции (Thomson 2007). Приведем здесь его слова:

„Действительно, анализ содержания сборника подтверждает то, что это не было случайным собранием хорошо известных всем отрывков, но прекрасно спланированной и аккуратно выполненной работой, выстроенной вокруг *Interrogationes et responsiones de diversis capitibus a diversis propositae* Анастасия Синаита. Первая часть состоит из десяти предисловий к Вопросам Анастасия, которые обобщают христианскую веру в логической последовательности (...) Затем следуют „Вопросы“ Анастасия в их самой распространенной редакции из 88 вопросов. Однажды отобранные и выстроенные по порядку вопросы следуют в логической последовательности (...) Заключительная часть сборни-

⁹ Бибиков хотел вернуться к этой теме, но мы не нашли его новых работ по этому вопросу (Бибиков 1996: 325).

ка содержит 24 приложения к „Вопросам“ Анастасия, выбранные отнюдь не случайно...“ (Thomson 1993: 45–46). К сожалению никто не занимался этой логической последовательностью.

Первая часть представляет собой своего рода пролог¹⁰, создаваемый целой серией „предисловий“, которые были проанализированы Томсоном с целью изучения отношений между греческим и славянским текстами (Thomson 2009: 256–264).

Центральная часть состоит из собрания вопросов и ответов Псевдо-Анастасия, из которых первые двадцать три и 40, 55, 60, 63–64 и 128 восходят к самому Анастасию (Thomson 2007: 721). Эта центральная часть в свою очередь разбита на несколько подразделов: первые двадцать два вопроса касаются этических проблем, следующие – Ветхого завета, далее идут вопросы о Новом завете: сначала Послания и затем Евангелия. Надо подчеркнуть, что сочинение Псевдо-Анастасия в сравнении с вопросами и ответами настоящего Анастасия характеризуется прежде всего количеством библейских и патристических цитат, которые следуют за ответом, чтобы объяснить в обширном виде сложные экзегетические вопросы¹¹.

Заключительная часть, менее стабильная часть произведения, содержит серию основополагающих текстов для понимания богословия Троицы и толкования Библии, среди которых можно найти списки библейских книг с указанием также на их каноничность. Томсон предлагает краткий обзор различных вопросов, проверенных в различных подразделах, что может помочь лучше понять назначение заключительной части (Thomson 2007: 744–752).

Не буду останавливаться на вопросе разделения произведения на два тома и соответствующих им указателей и на повреждение, которое привело к вставке нескольких пассажей из XL Слова о „Крещении“ Григория Назианзина (срв. Thomson 2006, Thomson 2007: 731–734).

В *Изборнике 1073* присутствуют лакуны, которые могут быть заполнены благодаря свидетельству более поздних рукописей. Можно процитировать в особенности вопрос 23 о Рае земном, который недавно был издан на греческом языке Сиесверда и Томсоном (Sieswerda, Thomson 2004). Позволим отметить, что причина присутствия в сборнике этого вопроса не имеет только отношение с духовным путем, как было предложено, но связана с проблемами экзегетики, то есть с теми границами, которые надо осторожно проводить между аллегорической и исторической интерпретациями Священного писания¹².

Из содержания произведения можно легко понять, что это произведение не простой катехизис, обращенный к несведущим или новообращенным, но со-

¹⁰ В рукописи Paris.gr.922, которую мы цитировали, эта часть имеет именно название – „пролог“ (Бибиков 1996: 254).

¹¹ Sieswerda, Thomson 2004: 578. О судьбе этой литературы в церковно-славянской письменности см. Thomson 2014.

¹² Срв. Garzaniti 2004.

бране сложных теологических текстов, которые возвращаются к более классической традиции патристических размышлений. Сочинение не было просто трактатом в энциклопедической форме начитанного христианина, как его часто представляют, но было задумано, прежде всего начиная с произведения Псевдо-Анастасия, чтобы проиллюстрировать догмат о триединстве, принятый на вселенских соборах и предложить набор истолковательных инструментов, необходимых для понимания Священного писания, как на уровне содержания, так и на уровне формы, с целью изложения христианской доктрины. Следовательно, флорилегия была предназначена духовенству, которое должно было преподавать или, самое большее, научиться преподавать по образцу отцов церкви.

Σωτήριος и в последующем его славянская версия представляют собой флорилегию текстов отцов церкви чрезвычайно полезную для обучения миссионерского духовенства. Именно поэтому сборник не должен был содержать актуальные на тот момент теологические размышления, но традиционные патристические раздумья, прежде всего, первых веков, направленных на понимание Священного писания¹³. В этом смысле можно хоть условно принять определение Томсона этого произведения как „путеводитель к христианской вере“ (Thomson 2007: 751).

МИССИОНЕРСКИЙ КОНТЕКСТ

Согласно нашей реконструкции в патриаршей курии был составлена флорилегия, и посвящена императрице Евдокии Ингерине, предполагая использовать ее именно для обучения миссионеров, направлявшихся в новые земли от росов до протоболгар и славян. В эпоху второго патриаршества Фотия Мефодий мог познакомиться с этим произведением или с одним из его прототипом во время своего пребывания в Константинополе (881/882), когда восстанавливались контакты между архиепископом Моравии и Константинопольской курией (Hannick 1978: 311). Нет никакого сомнения, что если Мефодий переведил Библию, о чем нам свидетельствует ЖМ (XV, 1–3), ему была необходима подобная флорилегия текстов, полезных для верного истолкования Библии, начиная от списка канонических книг и кончая вопросами фигуральной интерпретации.

Мефодий мог увезти с собой из Константинополя греческий прототип или подобную флорилегию, и перевести для использования его последователями и духовенством, которое формировалось. Определению „Книга Отцов“ среди переводов, выполненных Мефодием во время его епископства в Моравии (ЖМ XV, 5), хорошо соответствует название именно *Симеонова сборника*: „Сборник из многих отцов. Толкования о непонятных словах в Евангелие и Апостоле, и

¹³ Это уже отметила О. И. Подобедова (1977: 34–35).

иных книгах, вкратце изложенные на память и на готовые ответ¹⁴. Вруланд и Федер, предлагая новое издание этого названия объясняют это как свободную парафразу названия греческой флорилегии (Вруланд, Федер 2006: 71). Кажется, проще предположить, что новое название задумывалось для прояснения цели, которую сборник текстов принимал на себя в отношении перевода Священного писания.

В 80-е годы И. В. Левочкин выдвинул гипотезу, что „Книга Отцов“, переведенная Мефодием, можно идентифицировать с *Симеоновым сборником*. Его предположение, однако, не нашло поддержки, прежде всего из-за слабой аргументации. У него даже не был поставлен вопрос о греческом оригинале¹⁵. В начале 90-х гг. Х. Миклас развивал ряд положений о наследии в церковно-славянской традиции жанра вопросов и ответов Анастасия, обозначив не менее семи различных слоев перевода, среди которых упоминается *Изборник 1073* и рукописное наследие Номоканона. Более древний этап был бы связан с переводом Книги Отцов, о котором говорит ЖМ (Miklas 1991). Наша гипотеза, таким образом, не настолько необычна, хотя несомненно нуждается в дальнейших исследованиях. Самый важный вопрос остается установить логическую последовательность произведения.

Нужно добавить еще несколько размышлений о контексте составления греческой флорилегии в Константинополе. В те же годы (ок. 878 – ок. 886) в византийской столице находился молодой Симеон, будущий болгарский царь, который мог быть знаком с греческим произведением, посвященным императрице Ингерине. Каким-то образом он мог участвовать в его создании и в его изучении вместе с другими молодыми людьми в период своего обучения в византийской столице. Таким образом можно было бы оправдывать противоречивую ссылку в колофоне, по которой узнается в сборнике произведение самого Симеона (Sieswerda, Thomson 2004: 570; Thomson 2009: 283), не заставляя предположить его автором сборника, как в прошлом было предложено.

На самом деле, как пишет Сисверда, Σωτήριος был плодом проекта, которым руководили различные люди (Sieswerda 2001: 296), и, как мы настаиваем, был безусловно связан с планом богословского образования. В том же колофоне, вновь изданном Томсоном, педагогическая цель является в отсылках к болгарским боярам, к Птолемею и к библиотеке дворца Симеона. Эти последние заставляют думать о патриаршей библиотеке „Св. Софии“, в которой работал также Константин-Кирилл (ЖК IV, 15) и где, может быть, совершилось и воспитание Симеона. В эпоху царя Симеона Константинопольскую кафедру занимал патриарх Николай Мистик, который был соратником Фотия и который постоянно интересовался Болгарией.

¹⁴ Вруланд и Федер предложили новое издание названия произведения (Вруланд, Федер 2006: 72).

¹⁵ См. Левочкин 1985. Томсон определил эту работу как ошибочную (Thomson 1993: 37).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы ни в коем случае не утверждаем, что *Симеонов сборник* восходит к эпохе Мефодия, но только то, что Мефодий мог знать его греческий оригинал и что к эпохе Мефодия может восходить первая славянская версия несколько вопросов и ответов Псевдо-Анастасия. Как для Библии, переведенной Мефодием, должно говорить о некоем гипотетическом тексте, о котором у нас есть только свидетельства поздние, передаваемые в различной форме и даже в новом переводе, также и для так называемой Книги Отцов мы можем думать о некоем гипотетическом тексте, о котором у нас есть поздние, переработанные свидетельства и наверно в новом переводе.

Эта реконструкция позволяет нам увидеть в начале переводческой деятельности в Моравии усилия, которые Мефодий прилагал для создания первой фундаментальной библиотеки, в которой были бы не только литургические тексты, но помимо Библии также инструментарий для ее комментирования под одной обложкой, представляющий первую экзегитическую флорилегию в славянской литературе.

В эпоху Симеона Болгарского, который мог познакомиться с произведением в Константинополе, очевидно, что проект по переводу был возобновлен или закончен в новом контексте Первого болгарского царства. Те которые продолжили работу по заказу царя, добавив в текст похвальное слово, в котором давалось его покровительство созданию церковной жизни в Болгарии, вырастающей из наследия Мефодия и делались отсылки на его личное участие в произведении. Выбор должен был пасть именно на эту флорилегию благодаря ее образовательной нацеленности, как мог это задумать тот же патриарх Фотий.

Чтобы лучше понять эту историю, необходимо было бы вернуться к вопросу о различных слоях перевода, присутствующих в *Симеоновом сборнике* – предположению, которое было слишком рано отброшено¹⁶. Конечно, свобода перевода, которая следует больше смыслу, чем букве, уже рассмотрена в прошлом (Sieswerda 2001), отсылает к наиболее древнему периоду переводческой школы кирилло-мефодиевской традиции.

В заключении можно было бы задаться вопросом, почему Фотий не упоминает об этом произведении или почему это произведение не проходит под его именем? Ответ, кажется очевидным. Речь идет о переработке текстов, взятых из произведения Анастасия Синаита и она не добавляла ничего к эрудиции патриарха и, кроме того, могла быть сделана другими по его указаниям.

Можно было бы обозначить однако и вторую причину. Если миссионерская цель сборника, особенно в славянском контексте, является подлинной, то надо понимать его в рамках деликатного вопроса отношений между Константинополем и Римским престолом по иллирийскому вопросу. В этом случае сборник составлял часть проекта Фотия, который в целом должен был оставаться секретным.

¹⁶ Коцева 1991, противоположное мнение см. Thomson 1993: 42.

Не будем забывать, что большой миссионерский проект второй половины девятого века некоторым образом был продолжен в следующем столетии, о чем свидетельствует инициатива Николая Мистика, ученика Фотия, среди Аланов, в Закавказье в начале X века. В те же годы с помощью монахов горы Олимп, где был монахом и Мефодий, Византия пыталась создать антиисламскую коалицию христианских князей Закавказья против Азербайджанского эмирата (Hannick 1978: 319–321). Но эта другая история...

ЛИТЕРАТУРА

- Алексеев 2004 А л е к с е е в, А. А. Грамматическая статья патриарха Фотия в славянском переводе. – Труды Отдела древнерусской литературы, 55, 2004, 374–378.
- Бибииков 1996 Б и б и к о в, М. В. Византийский прототип древнейшей славянской книги. Изборник Святослава 1073 г. Москва, 1996.
- Бибииков 1996 Б и б и к о в, М. В. К датировке греческого прототипа Изборника Святослава. – В: О чем поведают архивы ... Российско-болгарские отношения и связи. Под ред. на Институт славяноведения РАН. Москва 2011, 149–170.
- Вруланд, Федер 2006 В р у л а н д, Й., В. Ф е д е р. О рукописной традиции Симеонова сборника. – Полакта кънигописъна, 35, 2006, 68–80.
- Заимов, Капалдо 1982–1983 С у п р а с њ л с к и или Ретков сборник. Под ред. на Й. Заимов, М. Капалдо. Т. 1–2. София, 1982–1983.
- Коцева 1991 К о ц е в а, Е. Към палеографската характеристика на Изборника от 1073 г. – В: Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). В 3 тома. Под общата ред. на Петър Динеков. Т. 1. Изследвания и текст. София, 1991, 99–112.
- Левочкин 1985 Л е в о ч к и н, И. В. „Отеческие книги“ и Изборник Святослава 1073 г. – Советское славяноведение, 6, 1985, 75–80.
- Подобедова 1977 П о д о б е д о в а, О. И. Изборник Святослава 1073 г. как тип книги. – В: Изборник Святослава 1073 г. Сборник статей. Москва, 1977, 31–45.
- Христова 1991 Х р и с т о в а, В. Библиография. – В: Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). В 3 тома. Под общата ред. на Петър Динеков. Т. 1. Изследвания и текст. София, 1991, 182–190.
- Янева 2015 Я н е в а, П. Текстология и езикови особености на гръцките сборници. – Извори на Симеоновия сборник (по Светославовия препис от 1073 г.) – В: Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). В 3 тома. Под общата ред. на Петър Динеков. Т. 3. Гръцки извори. София, 2015, 9–110.
- Янева, Иванов 2008 Спасителна книга. Гръцкият оригинал на Симеоновия сборник. Книга, произхождаща и съставена от различни речи и душеполезни разкази, наречена „Спасителна“. Под ред. на П. Янева, С. Иванов. София, 2008.

- Dvornik 1933 D v o r n i k, F. Les légendes de Constantin et de Méthode vues de Byzance. Prague, 1933.
- Garzaniti 2015 G a r z a n i t i, M. Das Bild der Welt und die Suche nach dem irdischen Paradies in der Rus'. – In: Virtuelle Räume. Raumwahrnehmung und Raumvorstellung im Mittelalter. Akten des 10. Symposiums des Mediävistenverbandes, Krems, 24.–26. März 2003. Ed. E. Vavra. Wien, 2004, 357–371.
- Garzaniti 2015 G a r z a n i t i, M. The Constantinopolitan project of the Cyrillo-Methodian mission according to the Slavonic Lives of the Thessalonican brothers. – In: Cyril and Methodius: Byzantium and the World of the Slavs. International Scientific Conference. Thessaloniki, 2015, 51–67.
- Grumel 1934 G r u m e l, V. Byzance et Photius dans les légendes slavonnes des saints Cyrille et Méthode. – Echos d'Orient 33, 1934, 341–353.
- Hannick 1978 H a n n i c k, Ch. Die byzantinischen Missionen. – In: Kirchengeschichte als Missionsgeschichte. Vol. 2. 1. Ed. K. Schäferdiek. München, 1978, 279–359.
- Mango 1958 P h o t i u s, Patriarch. The homilies of Photius, patriarch of Constantinople. Ed. C. Mango. Cambridge, Mass., 1958.
- Mango 1973 M a n g o, C. Eudocia Ingerina, the Normans, and the Macedonian Dynasty. – Zbornik radova Vizantologskog Instituta, 14–15, 1973, 17–27.
- Miklas 1991 M i k l a s, H. Materialien zur Erforschung des Werkes Methodos und seiner Schüler. – In: Methodios und Kyrillos in ihrer europäischen Dimension. Ed. E. Konstantinou. Frankfurt am Main, 2005, 65–82.
- Odorico 1993 O d o r i c o, P. La lettre de Photius à Boris de Bulgarie. – Byzantinoslavica, 54, 1993, 83–88.
- Sieswerda 2001 S i e s w e r d a, D. Tj. The Σωτήριος, the original of the Izbornik of 1073. – Sacris erudiri, 40, 2001, 293–327.
- Sieswerda, Thomson 2004 S i e s w e r d a, D. T., F. J. T h o m s o n. A Critical Greek Edition of Question 23 of the Pseudo-Anastasian ἘΡΩΤΑΠΟΚΡΙΣΕΙΣ together with the Editio princeps of its Old Bulgarian Translation Associated with Tsar Symeon. – In: Philomathestatos. Studies in Greek and Byzantine Texts Presented to Jacques Noret for his Sixty-Fifth Birthday. Leuven, 2004, 567–589.
- Thomson 1993 T h o m s o n, F. J. The Symeonian Florilegium – Problems of its Origin, Contents, Textology and Edition, together with an English Translation of the Eulogy of Czar Symeon. – Palaeobulgarica, 17, 1993, № 1, 37–53.
- Thomson 2006 T h o m s o n, F. J. A Contribution to the Textology of the Symeonian Florilegium Together with the “Editio Princeps” of the Part of Anastasian Question 20 Missing in the Codex of 1073. – In: Rus': Languages, Histories, Cultures: Essays Presented in Honor of Michael S. Flier on His Sixty-Fifth Birthday (= Harvard Ukrainian Studies, 28). Cambridge, Mass., 2006, 307–327.
- Thomson 2007 T h o m s o n, F. J. A Comparison of the Contents of the Two Translations of the Symeonian Florilegium on the Basis of the Greek Original Texts. – В: Проблеми на Кирило-Методиевото дело и на българската култура през IX–X век (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 17). София, 2007, 721–758.

- Thomson 2009 Thomson, F. J. The Symeonian Florilegium: an Analysis of its Relation to the Greek Textological Tradition and its Association with Tsar Symeon, Together with an Appendix on the Old Believers and the Codex of 1073. – В: Средновековието в огледалото на един филолог: Сборник в чест на Светлина Николова (= Кирило-Методиевски студии. Кн. 18). София, 2009, 248–308.
- Thomson 2014 Thomson, F. J. Byzantine Erotapocritic Literature in Slavonic Translation with Special Attention to the Important Role Played by Anastasius Sinaita's Interrogationes et responsiones in the Conversion of the Slavs. – Byzantion, 84, 2014, 385–432.

**THE MISSIONARY LEGACY OF CYRIL AND METHODIUS
AND THE SYMEONIC FLORILEGIUM**

(Summary)

The purpose of this paper is to study the Cyrillo-Methodian mission from the perspective of Constantinople, both from a historical, doctrinal and theological angle to understand ancient Slavic written production. In particular, the author focused on historical circumstances and time of composition of the Greek original of *Symeonic Florilegium*. In the seventies of the ninth century Photius or his associates may have completed and dedicated the Σωτήριος to the empress Eudoxia Ingerina, planning to use it to train missionaries destined to work with new peoples, from the Ros and the Protobulgarians to the Slavs.

*Marcello Garzaniti,
University of Florence*